
Юлия Обручева
Мой невыносимый
БОСС
и прочие неприятности

Юлия Обручева

Мой невыносимый босс и прочие неприятности

«Автор»
2026

Обручева Ю.

Мой невыносимый босс и прочие неприятности / Ю. Обручева — «Автор», 2026

Как написать бестселлер, если твой главный герой получается скучным? Устройся стажером к самому суровому и красивому боссу Москвы! План надежен, как швейцарские часы: беси его фэн-шуем, жги полынь, неси чушь про чакры и тщательно конспектируй, как дергается его правый глаз. Главное — не упасть в обморок, когда этот ледяной киборг решит тебя поцеловать.

© Обручева Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Настя 5
Глава 2. Настя 7
Глава 3. Артур 10
Глава 4. Артур 13
Глава 5. Артур 15
Глава 6. Артур 17
Глава 7. Настя 19
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Мой невыносимый босс и прочие неприятности

Глава 1. Настя

Я сижу в приемной своего старшего брата и изо всех сил пытаюсь сделать вид, что я — серьезный, перспективный молодой специалист, а не ходячая катастрофа, у которой горит диплом.

Секретарь Олега, тощая блондинка по имени Жанна, смотрит на меня с легкой смесью жалости и снисхождения.

Во-первых, я толстушка.

А во-вторых, она знает, что я пришла просить. Точнее, клянчить.

Но у меня просто нет другого выхода.

Мой десятый дом гороскопа — дом карьеры и социального статуса — сейчас находится под таким жестким прессингом транзитного Сатурна, что мне нужна не просто удача, мне нужно чудо. Или блат.

Желательно и то, и другое.

Я поправляю воротник своей единственной «офисной» блузки, которая кажется мне смирительной рубашкой для творческой личности, и мысленно повторяю аргументы.

Я пишу диплом по экономике.

Тема звучит солидно: «Оценка инвестиционных рисков в условиях высокой волатильности рынка».

Но проблема в том, что в моем понимании волатильность рынка напрямую зависит от ретроградного Меркурия и фаз Луны.

Мой научный руководитель, старенький профессор с лицом грустного мопса, уже дважды пил валерьянку после моих попыток внедрить натальные карты в фундаментальный макроэкономический анализ.

Он сказал: «Анастасия, либо вы приносите мне реальный кейс из реальной компании, либо идете защищать свой бред на кафедру эзотерики, которой у нас, слава богу, нет!».

Дверь кабинета открывается, и оттуда выходят двое мужчин в строгих костюмах. Жанна кивает мне:

— Можешь заходить, Настя. Олег Игоревич свободен.

«Олег Игоревич».

Звучит-то как!

Для меня он просто Олежка, который в детстве отбирал у меня конфеты и прятал моих кукол на шкаф, потому что у него был период увлечения альпинизмом.

А теперь он — соучредитель и генеральный директор крупной инвестиционно-консалтинговой фирмы.

Успешный, серьезный, с модной стрижкой и обалденными часами, которые, если верить моему приложению по астрологии, совершенно не подходят ему по энергетике.

Он типичный Телец, ему бы что-то более земное, с кожаным ремешком, а он нацепил этот холодный металл.

Я делаю глубокий вдох, мысленно призываю на помощь Юпитер, планету большой удачи, и толкаю дверь.

— О, какие люди в нашем корпоративном Голливуде! — Олег сидит за огромным столом, расслабленно откинувшись в кожаном кресле, и крутит в руках ручку. — Настя, если ты снова пришла сказать, что мне нужно срочно перевести все активы в золото, потому что Уран вошел

в знак Тельца, то у меня для тебя плохие новости. У меня через десять минут зум с дубайскими партнерами. И плевать им на Уран.

Я решительно подхожу к его столу, опираюсь на него двумя руками и смотрю брату прямо в глаза.

— Мне не до твоих активов, Олег. У меня катастрофа локального масштаба. Мне срочно нужна практика. Официальная. С печатями, подписями и доступом к реальным данным. И я буду проходить ее у вас в компании.

Олег перестает крутить ручку. Его брови медленно, но верно ползут вверх.

— Практика? У нас? — Он издает короткий, лающий смешок. — Настюх, ты перегрелась? Мы занимаемся серьезным бизнесом. Мы анализируем рынки, сопровождаем слияния и поглощения. А ты… ты на прошлой неделе доказывала мне, что акции технологического сектора упали, потому что у Илона Маска Луна в Скорпионе была в оппозиции к транзитному Марсу!

— И я была права! — возмущенно парирую я, выпрямляясь. — Графики не врут! Но мой научный руководитель этого не понимает. Он требует реальный экономический анализ работы предприятия. Он хочет графики, таблицы, SWOT-анализ, расчет рентабельности и ликвидности. Если я не принесу ему бумажку с вашей красивой синей печатью и не напишу главу на основе ваших данных, он меня до защиты не допустит. Олег, я умоляю!

Брат тяжело вздыхает, трет переносицу и смотрит на меня тем самым взглядом, которым смотрел, когда я в пятнадцать лет решила покрасить волосы в ярко-розовый цвет перед семейным походом в театр.

— Настя, послушай меня внимательно. Я тебя очень люблю. Ты моя младшая сестра. Но пустить тебя в свой офис — это как запустить торнадо в карточный домик. Ты же начнешь всем сотрудникам составлять гороскопы. Ты парализуешь работу аналитического отдела! Они вместо того, чтобы считать экономические индексы, будут вычислять свои асценденты.

— Не буду! — горячо обещаю я, прижимая руки к груди. — Клянусь своим дипломом! Я буду тише воды ниже травы. Дай мне какой-нибудь пыльный угол, стопку старых отчетов, и я буду сидеть там, как мышка, сводить дебет с кредитом. Мне просто нужна бумажка, что я у вас была, и немного реальных цифр, чтобы вставить их в дипломную работу. Ну пожалуйста! Юпитер сейчас делает благоприятный тригон к моему Солнцу, это идеальное время для старта карьеры!

Олег закатывает глаза так сильно, что мне кажется, он сейчас увидит свой собственный мозг.

— Тригон к Солнцу… Господи, за что мне это? Ладно, допустим. Я посажу тебя в архив. Будешь перекладывать бумажки. Но чтобы ни слова про ретроградный Меркурий! И никакой астрологии в радиусе пятисот метров от здания!

Я радостно пищу и уже готова обойти стол, чтобы броситься ему на шею, но тут же замираю. Архив? Бумажки? Нет, так дело не пойдет. В архиве я не получу того, что мне действительно нужно.

— Э-э-э, Олег, тут есть один маленький нюанс, — я нервно накручиваю на палец прядь волос. — Понимаешь, мне не просто нужна практика. Для качественного диплома мне нужен наставник. Кто-то, кто глубоко понимает процессы, кто занимается стратегическим планированием и оценкой рисков.

Олег напрягается. Его глаза сужаются, превращаясь в две подозрительные щелочки.

— К чему ты клонишь?

Я набираю в грудь побольше воздуха. Сейчас или никогда.

— Я хочу, чтобы моим куратором на практике был Артур.

Повисает пауза. Такая звенящая, плотная тишина, что слышно, как в коридоре Жанна стучит по клавиатуре своими длинными акриловыми ногтями.

Глава 2. Настя

Олег смотрит на меня не моргая. Затем он медленно мотает головой, словно отгоняя назойливую муху, и переспрашивает:

— Кто?

— Артур, — повторяю я, стараясь, чтобы голос звучал твердо и уверенно. — Твой партнер. Артур Ринатович Рысаков.

Олег откидывается в кресле и издает звук, похожий на стон умирающего кита.

— Ты издеваешься? Скажи мне, что ты шутишь. Настя, Артур — это акула. Он киборг, помноженный на калькулятор. У него вместо сердца — таблица Excel, а вместо нервной системы — оптоволоконный кабель. Он ест таких стажеров, как ты, на завтрак, даже не поперхнувшись! Он своих-то аналитиков доводит до нервного тика одним поднятием брови. И ты хочешь… к нему?!

Я упрямо вздергиваю подбородок.

— Да. Именно к нему. Олег, ты пойми, мне очень надо. У него колоссальный опыт в антикризисном управлении. Мой диплом строится именно на этом! Мне нужен его мозг, его подход, его данные.

И это только половина правды.

Вторая, главная половина заключается в том, что я составила синастрию — гороскоп совместимости — между моим карьерным домом и натальной картой Артура Рысакова.

Я не знаю точного времени его рождения, но даже по космограмме ясно: этот невыносимый, ледяной, вечно одетый в черное сноб — мой карьерный талисман.

Его Плутон делает точное соединение с моим Меридианом Цели.

Это означает, что именно этот человек может дать мощнейший толчок моему профессиональному развитию. Если, конечно, не убьет меня в процессе.

Кроме того, он бесит меня с самого детства.

Сколько я его помню, он всегда смотрел на меня как на забавную, но раздражающую ошибку природы.

Когда мне было семнадцать, я случайно пролила вишневый сок на его белоснежный автомобиль, и он сказал мне фразу, которую я помню до сих пор: «Анастасия, твоя координация так же нестабильна, как рубль в девяносто восьмом».

Я тогда ничего не поняла, но жутко обиделась. Пришло время доказать этому ходячему калькулятору, что я тоже кое-что смыслю в экономике.

Ну и, возможно, немного покопаться в его ледяной душе — чисто из научного астрологического интереса.

— Прямо к Артуру? — с отчаянием в голосе переспрашивает Олег, словно надеясь, что ослышался.

Я киваю. Твердо, уверенно, как самурай перед битвой.

— Настя, он тебя не просто сожрет. Он порвет твой диплом, твою самооценку и твои натальные карты на мелкие конфетти, — Олег трет лицо руками. — Он не переносит непрофессионализм. Он ненавидит эзотерику. Он даже слово «интуиция» считает ругательством!

— Я справлюсь, — говорю я, хотя внутри у меня все сжимается от страха.

Артур действительно пугает меня до чертиков.

Высокий брюнет с пронзительными серыми глазами, которые, кажется, видят тебя насквозь.

— Олег, я клянусь, я буду вести себя идеально. Я вызубрю все термины. Я забуду слово «астрология». Я буду его личным рабом, буду приносить кофе, строить графики, делать все,

что он скажет. Но мне нужна эта практика у него! От этого зависит моя защита! И моя будущая жизнь!

Олег молчит.

Он долго и пристально смотрит на меня.

Я вижу, как в его голове крутятся шестеренки.

Брат взвешивает риски.

С одной стороны — перспектива слушать мое нытье и истерики мамы о том, что «мальчик не хочет помочь родной сестре».

С другой — гнев Артура Рысакова, который, обнаружив меня в качестве своего стажера, может легко сжечь офис дотла.

— Хорошо, — наконец, выдыхает Олег, и это звучит как приговор. — Я поговорю с ним.

— Ура! Олежка, ты лучший брат во вселенной! — я срываюсь с места и бросаюсь к нему, едва не смахнув со стола подставку с ручками.

— Стоп! — он выставляет вперед руку, останавливая мой порыв. — Я только поговорю. Я ничего не обещаю. Если он скажет «нет» — а он скажет «нет», вероятность этого девяносто девять и девять десятых процента, — ты идешь в архив. Договорились?

Я лучезарно улыбаюсь.

Девяносто девять процентов?

Ха!

У Олега просто нет моей программы для расчета транзитов.

Сегодня Марс делает идеальный подход к Меркурию Артура. Он будет сговорчив. Ну, по крайней мере, он не вышвырнет Олега в окно.

— Договорились! — бодро рапортую я. — Иди к нему прямо сейчас!

— Сейчас? У меня зум через... — Олег смотрит на свои не подходящие ему по энергетике часы и чертыхается. — Ладно. Жди здесь. Ничего не трогай. Не читай мои документы. И ради всего святого, не пытайся предсказать Жанне дату ее свадьбы!

Он встает, поправляет пиджак, как рыцарь, надевающий доспехи, и выходит из кабинета, направляясь в логово зверя — в кабинет Рысакова, который находится ровно напротив.

Я остаюсь одна.

Сердце колотится в горле.

Я сажусь в кресло Олега, кручусь в нем пару раз и зажмуриваюсь.

«Плутон на Меридиане Цели», — повторяю я про себя, как мантру.

«Трансформация через боль, кризис и преодоление. Мы с тобой еще повоюем, Артур Ринатович. Астрология и макроэкономика объединятся, чтобы разрушить твой стерильный и занудный мир».

Дверь в приемной хлопает. Я замираю, вслушиваясь.

До меня доносятся приглушенные мужские голоса.

Голос Олега звучит виновато-уговаривающе.

А потом раздается баритон Артура.

Резкий, холодный, словно треск льда на замерзшем озере.

Я не могу разобрать слов, но интонация такая, что мне хочется спрятаться под стол Олега и никогда оттуда не вылезать.

Господи, во что я ввязываюсь?

Спустя пять минут дверь кабинета открывается и на пороге появляется Олег. Он выглядит так, словно только что пробежал марафон по минному полю.

— Ну что? — я вскакиваю, чувствуя, как потеют ладони. — Что он сказал?

Олег подходит к столу, наливает себе воды из графина, выпивает залпом и только потом переводит взгляд на меня. В его глазах читается смесь ужаса и сочувствия.

— Он согласился, Настя, — тихо говорит брат. — Он сказал, что берет тебя. Но с одним условием.

— Каким? — я затаила дыхание.

— Если через неделю ты не сможешь отличить ставку дисконтирования от внутренней нормы доходности, он лично выставит тебя за дверь. И не просто из кабинета, а вообще из здания. Своими руками. — Олег делает паузу. — И добавил, чтобы ты была у него в кабинете ровно в восемь ноль-ноль завтра. Опоздаешь на минуту — практика окончена.

Я чувствую, как губы сами собой растягиваются в торжествующей улыбке.

— Восемь ноль-ноль. Поняла. Ставка дисконтирования. Выучу.

Олег качает головой.

— Ты сумасшедшая. Ты идешь прямо в пасть ко льву.

— Не ко льву, Олег, — поправляю я брата, подхватывая свою сумку и направляясь к выходу. — К Скорпиону. А это, поверь мне, гораздо интереснее.

Глава 3. Артур

Я смотрю на мигающий курсор в пустой ячейке Excel и чувствую, как у меня дергается левый глаз.

Я люблю Excel.

Excel логичен.

В нем есть формулы, строгие правила и абсолютная, кристально ясная предсказуемость.

Если ты вводишь правильные данные, ты получаешь правильный результат.

В Excel нет места хаосу, эмоциям и, упаси господи, ретроградному Меркурию.

Но моя точно выстроенная, рассчитанная до сотых долей процента жизнь дала трещину ровно сорок восемь часов назад.

Все началось с Олега.

Мой партнер и лучший друг ввалился в мой кабинет с таким лицом, будто только что торговал акциями на падающем рынке и проиграл все.

— Артур, умоляю, — простонал он, падая в кресло для посетителей. — Пусть она посидит у тебя в приемной пару месяцев. У нее кризис четверти жизни, она открыла третий глаз и увлеклась астрологией. Просто кивай и терпи, иначе она сожжет мне дом шалфеем. Мать меня со свету сживет, если я не пристрою ее на практику.

Я тогда вздохнул, скрестив руки на груди, и мысленно попрощался со своей тихой, размеренной рабочей неделей.

Я знал его сестру Настю.

Точнее, я помнил ее как нелепого подростка, который вечно что-то ронял, спотыкался на ровном месте и смотрел на мир огромными, полными глупого энтузиазма глазами.

«Ладно, — подумал я. — Выделю ей стол в углу. Будет сидеть тихая девочка, обвешанная парой амулетов, перебирать бумажки и дышать своим ладаном в форточку. В конце концов, я умею игнорировать раздражители».

Как же я ошибался.

Мой хваленый аналитический мозг не просчитал главного: Настя больше не была просто неуклюжим подростком.

Она эволюционировала.

Вместо тихой девочки с амулетами в мою жизнь ворвался пышный ураган в звенящих браслетах, вооруженный натальными картами, эфемеридами и абсолютной, непробиваемой, железобетонной уверенностью в своей правоте.

В первый же день она заявила, что для «правильной настройки вибраций» ей нужно называть себя астральным именем Алиса.

Я сказал, что в моем офисе нет никаких вибраций, кроме вибраций моего телефона, но она лишь снисходительно похлопала меня по плечу, отчего у меня чуть не случился инфаркт от нарушения субординации.

Вчера, в ее первый официальный рабочий день, я приехал в офис к семи сорока пяти, как обычно.

Открыл дверь своего кабинета и замер.

Мой стол — массивный дубовый монстр, который грузчики заносили вчетвером, потея и проклиная все на свете, — стоял диагонально.

Посреди кабинета. Перегораживая проход к окну.

Алиса-Настя сидела на корточках возле кулера и что-то сосредоточенно сверяла с компасом в телефоне.

Звон ее серебряных браслетов разносился по пустому офису, как набат.

— Что. Здесь. Происходит? — мой голос был тише обычного, но, судя по тому, как вздрогнула секретарша Жанна в приемной, звучал он достаточно угрожающе.

— Доброе утро, Артур Викторович! — она вскочила, сияя, как сверхновая звезда. — Я переставила ваш стол по фэн-шую!

— Вы… переставили… мой стол, — я медленно закрыл глаза, пытаясь подавить желание вызвать охрану и санитаров одновременно. — Как вы вообще его сдвинули?

— Я попросила ребят из айти-отдела! Сказала, что это тимбилдинг. Вы представляете, ваша прежняя позиция блокировала денежную чакру! Я, как зашла, сразу почувствовала, что энергия Ци упирается в стену. А еще это вызывало у вас изжогу. Вы же пьете таблетки от желудка, я видела у вас в ящике! Теперь, когда вы сидите лицом на восток, ваш денежный поток расширится, а пищеварение придет в норму!

Я стоял, вдыхая запах какого-то цитрусового эфирного масла, которым уже успел пропитаться весь кабинет, и понимал, что Олег мне должен.

Крупно должен.

Я заставил айтишников вернуть стол на место, пригрозив лишить их премии, а Алисе-Насте выдал самую скучную, самую объемную и бессмысленную таблицу по амортизации основных фондов за последние пять лет.

— Считать, — рявкнул я. — И чтобы ни звука. Никакого фэн-шуя. Никаких чакр. Только цифры.

Она кивнула, но в ее глазах плясали черти.

И вот наступил день второй.

Сегодня.

День подписания контракта, к которому я шел восемь месяцев.

Крупнейшая сделка с китайским консорциумом по поставке высокотехнологичного оборудования.

Многомиллионные инвестиции. Все должно было пройти идеально.

Мы сидим в главной переговорной.

Стеклянные стены, панорамный вид на Москву, идеальная тишина.

Напротив меня — господин Чжан, генеральный директор консорциума, и три его заместителя.

Лица непроницаемые, костюмы идеальные.

Мы только что утрясли последние детали логистики.

Юристы положили на стол толстые папки с контрактами.

Моя ручка уже занесена над бумагой.

Я чувствую этот сладкий вкус победы.

И в этот самый момент стеклянная дверь переговорной распахивается с такой силой, что ударяется об ограничитель.

Влетает она.

С растрепанными волосами. Звеня браслетами и сжимая в руках распечатку какой-то круговой диаграммы, испещренной неведомыми значками.

— Не подписывайте! — кричит она так, что господин Чжан роняет свои очки на полированный стол.

Я замираю. Внутри меня обрывается трос, на котором держались остатки моего терпения.

— Алиса. Выйди. Вон, — цежу я сквозь зубы, чувствуя, как лицо заливает краска ярости.

Но ее не остановить. Она подлетает прямо ко мне, игнорируя ошарашенных китайцев.

— Я полночи строила транзиты! — она тычет пальцем в бумажку. — Артур Викторович, вы не можете это подписать! У их гендиректора Луна в Скорпионе! Пораженная! А сейчас транзитный Марс делает квадратуру к его натальному Плутону! Он вас кинет! Он всех кинет до начала ретроградного Меркурия! Это классический аспект банкротства и обмана!

В переговорной повисает гробовая тишина. Я медленно перевожу взгляд с нее на китайскую делегацию.

Переводчик, молодой парень, бледнеет и, запинаясь, начинает переводить эту ересь господину Чжану.

— Луна... в Скорпионе... — бормочет переводчик, покрываясь испариной. — Магия... звезды говорят... обман...

Я вижу, как лицо господина Чжана меняется.

Сначала это недоумение, потом — шок, а затем... неконтролируемый ужас.

Глава 4. Артур

Китайцы, к моему огромному сожалению, народ невероятно суеверный. Они верят в цифры, цвета, духов и, как оказалось, панически боятся сумасшедших русских стажерок, кричащих про проклятие Скорпиона.

Господин Чжан резко встает, выхватывая контракт из-под моей руки. Он что-то быстро и резко говорит своим заместителям. Те вскакивают, хватают портфели.

— Господин Чжан, подождите, это просто недоразумение! — я пытаюсь перехватить инициативу, встаю, протягиваю руки. — Это стажерка, она не в себе!

— Мы... мы вынуждены взять паузу для дополнительных консультаций с нашими... специалистами по рискам, — блеет переводчик, пятясь к двери вслед за делегацией. — Господин Чжан говорит, что звезды сегодня не благосклонны для бизнеса. До свидания.

Они выбегают из переговорной так быстро, словно за ними гонится сам дьявол. Или ретроградный Меркурий, черт бы его побрал.

Я остаюсь стоять посреди пустой комнаты.

Сделка на миллионы долларов только что испарилась.

Восемь месяцев работы аналитиков, юристов, логистов смыты в унитаз девчонкой с колодой Таро.

Я медленно поворачиваюсь к Насте-Алисе.

Она стоит, гордо вздернув подбородок, словно Жанна д'Арк, только что спасшая Орлеан.

— Ты, — мой голос звучит глухо, я даже не кричу.

У меня просто нет сил.

— Ты собираешь свои амулеты, свои карты, свои гребаные эфемериды и выкатываешься из этого здания. Если я увижу тебя здесь через пять минут, я выкину тебя в окно. Вместе с твоей денежной чакрой.

— Вы еще скажете мне спасибо! — гордо заявляет она, ничуть не испугавшись, разворачивается на каблуках и, звеня всем своим цыганским арсеналом, выходит из переговорной.

Я возвращаюсь в свой кабинет, падаю в кресло и наливаю себе полный стакан янтарного напитка из мини-бара, хотя часы не показывают еще и двух.

Пишу гневное сообщение Олегу: «Твоя сестра уволена. Сделка сорвана. Я тебя убью».

Потом сижу, тупо глядя в стену, пытаясь понять, как мне объяснять акционерам, что мы потеряли контракт из-за пораженной Луны.

Остаток дня проходит как в тумане.

Я злее, чем цепной пес.

Я готов рвать и метать.

Готовлю документы о расторжении договора практики этой ненормальной, а потом ложусь спать с пульсирующей болью в висках и твердым намерением завтра же утром вышвырнуть ее вещи на улицу.

Но наступает утро третьего дня.

Я приезжаю в офис злой и невыспавшийся.

Завариваю себе двойной эспрессо.

Открываю ноутбук. И первое, что я вижу, — это срочное письмо от нашей службы безопасности с пометкой «Молния».

Я читаю текст, и мой эспрессо застревает у меня в горле.

Моргаю. Протираю глаза. Читаю еще раз.

«Артур Викторович, по неформальным каналам от наших партнеров в Шанхае поступила экстренная информация. Консорциум господина Чжана сегодня ночью объявил о техническом дефолте. Оказалось, что их финансовая отчетность за последние два года была полностью

сфальсифицирована. Они банкроты. Сам Чжан и его топ-менеджеры арестованы полицией по обвинению в мошенничестве в особо крупных размерах. Если бы мы вчера подписали контракт и перевели аванс, мы бы потеряли все деньги без возможности возврата».

Я сижу, уставившись в монитор.

Буквы плывут перед глазами.

Банкроты. Мошенничество. Мы потеряли бы все деньги.

Перевожу взгляд на стеклянную стену своего кабинета.

В приемной, за своим маленьким столом, сидит Настя-Алиса.

Она пьет матчу через трубочку и сосредоточенно тасует колоду карт, что-то нашептывая.

Мой идеальный, рациональный, математический мир рушится на куски.

Я, человек с двумя высшими образованиями и пятнадцатилетним опытом в инвестициях, спас компанию от краха не благодаря своему интеллекту.

Не благодаря опыту.

Не благодаря аудиторам.

Я спас компанию, потому что у какого-то китайского афериста Луна, такую ее, в Скорпионе.

Медленно встаю.

Ноги ватные.

Выхожу из кабинета и подхожу к ее столу.

Она поднимает на меня свои огромные глаза, готовая защищаться.

— Артур Викторович, я уже собираю вещи, — начинает она, насупившись. — Но я все равно считаю, что была...

— Распаковывай, — хрипло говорю я, перебивая ее.

Она замирает с картой «Башня» в руках.

— Что?

— Распаковывай свои браслеты, — повторяю я, чувствуя себя полным идиотом, но слова уже не остановить. — И принеси мне кофе. И...

Я делаю над собой титаническое усилие. Моя гордость сопротивляется, но цифры в отчете службы безопасности бьют наотмашь.

— И составь мне... как это называется... транзит? На следующую неделю. У нас переговоры с немцами. Я хочу знать, где там их Марс.

Ее лицо озаряется такой ослепительной улыбкой, что мне хочется зажмуриться.

— Сделаем, босс! — звенит она браслетами. — Я же говорила! Ой, а можно мне ваши данные рождения? С точным временем и городом! Я вам такую синастрию с компанией построю, обалдеете!

Я молча киваю, разворачиваюсь и иду обратно в свой кабинет.

Сажусь за стол. Открываю Excel. Смотрю на пустые ячейки.

Кажется, мне придется добавить в эту таблицу новую колонку.

Назову ее «Фактор Скорпиона».

И еще мне нужно срочно проверить, не вернулась ли моя изжога.

Глава 5. Артур

Четыре дня.

Ровно девяносто шесть часов ушло у моего мозга на то, чтобы переварить, проанализировать и каталогизировать инцидент с китайцами.

Я веду свой автомобиль по утренней Москве, барабаня пальцами по кожаному рулю в такт музыке, и чувствую, как привычная ясность возвращается в мою голову. Все стало на свои места еще в субботу вечером, когда я сидел с бокалом над графиками вероятностей.

Совпадение.

Обычное, математически доказуемое, хотя и редкое совпадение.

«Черный лебедь» Нассима Талеба в чистом виде.

Настя, со своим хаосом и звенящими браслетами, просто устроила истерику в нужную секунду.

Возможно, она неосознанно считала микровыражения лиц китайских делегатов.

Возможно, где-то в кулуарах или в кофейне на первом этаже она услышала обрывок разговора на английском о финансовых проблемах консорциума и ее мозг трансформировал это в бред про Плутон и Скорпиона.

Как бы там ни было, магии не существует.

Астрологии не существует.

Существуют инсайдерская информация, статистика и слепой, тупой случай.

Сворачиваю на подземную парковку нашего бизнес-центра, глушу мотор и поправляю манжеты белоснежной рубашки.

Я снова контролирую свою жизнь.

Я готов терпеть присутствие этой девчонки в моем офисе ради душевного спокойствия Олега, но правила игры будут диктовать не звезды, а я.

Лифт бесшумно возносит меня на сорок второй этаж.

Створки разъезжаются.

Я делаю шаг в наш идеально вылизанный холл, оформленный в строгих тонах серого сланца и матового стекла, и тут же останавливаюсь как вкопанный.

Запах.

Тяжелый, густой, приторно-сладкий аромат, от которого мгновенно свербит в носу.

Пахнет так, словно я ошибся этажом и вышел в лавке индийских благовоний где-нибудь на Гоа, а не в ведущей инвестиционной компании столицы.

Я резко толкаю стеклянную дверь приемной.

— Жанна, что за вонь в... — фраза застревает у меня в горле.

Секретарши на месте нет. Зато есть Настя.

Она стоит на дорогущем кожаном кресле Олега, которое зачем-то выкатила на середину приемной, и тянется к вентиляционной решетке под потолком.

В зубах она сжимает моток красной шерстяной нити.

В одной руке у нее скотч, а в другой — уродливая связка китайских медных монет с квадратными дырками посередине.

Но это не самое страшное.

Самое страшное — это то, во что превратилась моя шикарная приемная.

На ручке стеклянной двери в переговорную болтается «музыка ветра» из бамбуковых трубок, которая при каждом сквозняке издает звук, похожий на лязг кастрюль.

Над кулером с водой прилеплен какой-то бумажный глаз, нарисованный синим маркером.

А на углу стола Жанны, прямо возле селектора, громоздится кусок фиолетового камня размером с хороший мужской кулак.

Я медленно, очень медленно перевожу взгляд на Настю.

Она тянется вверх, пытаясь приклеить монеты к потолку. Ее короткий бесформенный кардиган задрался, а юбка из какой-то дурацкой цветастой ткани натянулась на бедрах.

Я смотрю на нее, и внутри меня поднимается глухая, тяжелая волна раздражения, замешанного на эстетическом неприятии.

Она полная.

Не «в теле», не «с формами», а именно полная.

Слишком много мягкости.

Никаких строгих линий, никакой геометрии, к которой я привык.

Круглые щеки, полные руки, тяжелые бедра.

Я привык к другим женщинам — элегантным, подтянутым и динамичным.

В Насте нет никакой динамики. Одно сплошное сопротивление среде.

Она физическое воплощение отсутствия дисциплины.

Она не может контролировать даже собственный вес — так как же она собирается контролировать инвестиционные портфели?

Кресло под ней предательски скрипит и слегка откатывается в сторону на своих колесиках. Настя взмахивает руками, ловя равновесие, красная нитка падает изо рта.

— Какого. Черта. Здесь. Происходит? — мой голос звучит тихо, но с той звенящей стальной ноткой, от которой стажеры обычно седеют.

Настя вздрагивает всем своим мягким телом, резко оборачивается и, естественно, теряет равновесие. Кресло едет назад, она летит вперед.

Мои рефлексы срабатывают быстрее, чем мозг успевает выдать команду «пусть падает».

Я делаю два длинных шага, перехватываю ее за талию и с силой ставлю на пол.

Мои пальцы впиваются в ее бока, ощущая сквозь ткань кардигана эту проклятую раздражающую мягкость.

От нее пахнет ванилью, бумагой и тем самым удушливым ладаном, который пропитал весь этаж.

Я мгновенно отдергиваю руки, словно обжегшись, и делаю шаг назад.

— Артур Викторович! — она выдыхает, прижимая ладонь к груди.

Ее глаза, огромные и какие-то нелепо-блестящие, смотрят на меня с испугом, который тут же сменяется возмущением.

— Вы меня напугали! Нельзя же так подкрадываться! У меня чуть астральное тело от физического не оторвалось!

— Я сейчас тебе физическое тело от зарплаты оторву, — цежу я сквозь зубы. Мой взгляд мечется по приемной. — Что это за цыганский табор, Анастасия? Что за побрякушки на моих дверях?

— Это не побрякушки! — она поправляет юбку, вздергивая свой мягкий упрямый подбородок. — Это защитные артефакты! Вы хоть знаете, что сегодня ночью Марс вошел в знак Рака? Это орбис падения! Вся агрессивная мужская энергия становится скрытой, подлой, направленной на разрушение структуры! Офис сейчас беззащитен перед энергетическими пробоями! Я вешаю монеты изобилия в сектор богатства, чтобы компенсировать...

— Хватит! — рявкаю я так, что бамбуковая «музыка ветра» на двери жалобно звякает.

Настя замолкает, хлопая ресницами.

Глава 6. Артур

Подступаю к ней вплотную. Разница в росте заставляет ее запрокинуть голову.

Я нависаю над ней, чувствуя, как внутри пульсирует ярость.

Я готов терпеть ее некомпетентность ради Олега. Я готов дать ей этот чертов диплом. Но я не позволю превращать мой бизнес в цирк-шапито.

— Послушай меня внимательно, — мой голос понижается до угрожающего шепота, я чеканю каждое слово, глядя прямо в ее расширенные зрачки. — Мы — инвестиционно-консалтинговая фирма. К нам приходят люди, которые доверяют нам миллиарды. Они ожидают увидеть здесь графики, аналитику, сухие цифры и дорогие костюмы. Если хоть один из моих клиентов — хоть один! — увидит этот фиолетовый булыжник на столе... — я, не глядя, тычу пальцем в сторону камня, — или услышит звон этих дурацких трубочек, он решит, что мы поехали крышей. И будет абсолютно прав.

— Это аметистовая друза! — пищит она, не отступая ни на миллиметр, хотя я приблизился к ней настолько, что чувствую тепло ее дыхания. — Она очищает пространство от токсичных мыслей!

— Единственное, что здесь токсично, — это твое влияние на мою нервную систему.

Я делаю еще полшага вперед.

Теперь нас разделяет едва ли пара десятков сантиметров.

Я вижу, как у нее на шее, прямо над воротником блузки, бешено бьется жилка.

Ей страшно. Но она, черт возьми, стоит на своем.

Эта глупая, мягкая, круглая девчонка с нелепыми идеями пытается противостоять мне в моем же офисе.

— Я спасла вам контракт! — вдруг заявляет она, и ее голос дрожит от обиды. — Если бы не я, вы бы перевели деньги мошенникам! Вы сами несколько дней назад просили меня составить прогноз на немцев! А теперь кричите на меня из-за пары монет!

— То, что случилось с китайцами, — статистическая погрешность! — отрезаю я, наклоняясь еще ближе. Мои глаза сужаются. — Слепое совпадение. Удача. Называй, как хочешь. Я повелся на это, потому что был в состоянии стресса. Но сегодня понедельник. И мы возвращаемся в реальность. В моей реальности нет места для планет в орбисе падения.

Она смотрит на меня. В ее глазах нет ни слез, ни извинений. Только абсолютное упрямство, которое так не вяжется с ее пухлыми губами и круглыми щеками.

— Вы боитесь, — вдруг тихо говорит она.

Я замираю.

— Чего?

— Вы боитесь того, чего не можете рассчитать в своем экселе, Артур Викторович. Вы боитесь, что мир сложнее, чем ваши формулы. Вы такой весь из себя правильный, застегнутый на все пуговицы... — она скользит взглядом по моему галстуку, затем по лицу. — Но вы чувствуете, что это работает. И это вас бесит.

В офисе повисает звенящая тишина. Слышно только гудение серверов за стеной.

Я смотрю на ее губы, которые только что произнесли эту непростительную дерзость.

Внутри меня что-то щелкает.

Странное, темное, совершенно иррациональное желание — не то придушить ее на месте, не то схватить за плечи и встряхнуть так, чтобы из нее вылетели все ее дурацкие астрологические бредни.

Мой взгляд невольно опускается ниже, на мягкую линию ее шеи, на ключицы, скрытые под тканью.

Нет. Абсолютно нет.

Я резко отстраняюсь, разрывая зрительный контакт, и выпрямляюсь во весь рост. Воздух между нами мгновенно остывает.

— У тебя есть ровно десять минут, — чеканю я ледяным тоном, глядя поверх ее головы. — Десять минут, чтобы снять все это барахло, проветрить приемную от этой вони и сесть за свой стол. И если я еще раз услышу слово «Марс», «Плутон» или «энергия», ты полетишь отсюда на улицу без всяких справок о практике. А твой брат не сможет тебе помочь, потому что я закрою ему доступ в здание.

Я круто разворачиваюсь, подхожу к двери своего кабинета, берусь за холодную металлическую ручку.

— Вы не сможете меня уволить, — доносится мне в спину ее тихий, но уверенный голос.

Я замираю, стиснув челюсти, и оборачиваюсь через плечо.

Настя стоит посреди приемной, сжимая в кулаке красную нитку с монетами. Она не выглядит испуганной. Она выглядит как боец, который только что осознал правила игры.

— И почему же? — спрашиваю я с ядовитой усмешкой.

— Потому что я вам нужна, — она смотрит мне прямо в глаза, и в ее взгляде нет ни капли прежней суетливости. — Чтобы доказать самому себе, что я неправа. Вы же не успокоитесь, пока не размажете мою теорию по стенке своими графиками. А для этого я должна быть здесь. На виду.

Она поднимает руку и сама, одним резким движением, срывает синий бумажный глаз с кулера. Комкает его и бросает в мусорную корзину.

— Девять минут, Артур Викторович, — говорит она. — Я успею. А потом мы будем считать рентабельность ваших немцев. По вашим земным правилам.

Я молча смотрю на нее еще пару секунд.

Она бросает мне вызов.

Прямо здесь, на моей территории.

Эта мягкая, нелепая девчонка с запахом ванили только что объявила мне войну.

Я открываю дверь кабинета, шагаю внутрь и захлопываю ее за собой с такой силой, что жалобно дребезжит стекло.

Сажусь в кресло. Включаю монитор.

Экран загорается холодным светом таблиц.

Но перед глазами почему-то стоит ее вызывающий взгляд, а пальцы продолжают ощущать эту невыносимую, непозволительную мягкость.

Глава 7. Настя

Я с остервенением отдираю полоску двустороннего скотча от решетки кондиционера.

Клей противно тянется, оставляя на белом пластике грязный серый след, а под ногти забивается едкая строительная пыль.

Бамбуковая «музыка ветра» летит в мусорное ведро под столом Жанны с глухим, совсем не музыкальным лязгом.

Следом туда же отправляется тяжелая связка китайских монет на красной нитке.

От дурацкой, горькой обиды печет в груди.

А кожа на талии до сих пор помнит его хватку.

Следы от пальцев, впившихся в мои бока сквозь тонкий трикотаж, ощущаются как два горячих клейма.

Грубиян.

Самовлюбленный диктатор.

Я с силой тру пылающие щеки тыльной стороной ладони, пытаясь остудить лицо, но краска стыда и злости не сходит.

Хотя, если быть до конца честной…

Я опускаю взгляд на фиолетовую друзу аметиста, которая сейчас сиротливо и нелепо громоздится на чистом и пустом столе секретаря. Беру этот тяжелый неровный камень, чувствуя его холодные грани, и прячу в свою объемную сумку.

Если бы я сама руководила инвестиционной империей, а какая-то ненормальная стажерка начала жечь полынь возле кулера и вешать бумажные глаза на двери переговорной, я бы вызвала охрану. А потом экзорциста.

Но у меня есть Олег. Мой старший брат, соучредитель этой цитадели корпоративного снобизма.

Артур меня не выгонит. Поскрипит зубами, порычит, метнет пару ледяных молний из своих красивых глаз, но вытерпит все мои закидоны. Должен вытерпеть.

Я сжимаю в кармане юбки маленький гладкий камешек — обычную гальку с набережной, которую ношу с собой не для раскрытия чакр, а как напоминание.

Моя цель не имеет ничего общего ни с экономикой, ни с дурацкой практикой, ни тем более с гороскопами.

Вся эта эзотерика — лишь идеальная ширма.

А мой истинный план, дерзкий и отчаянный, скрыт пока даже от Олега. И для его реализации мне нужно присутствовать именно здесь.

На сорок втором этаже. Под самым носом у Артура Воронцова.

Я иду к своей цели вот таким кривым, сумасшедшим, неочевидным путем, продираясь сквозь его сарказм и собственные унижения.

И я не отступлю.

Десять минут истекают.

В приемной теперь пахнет только свежемолотым кофе и легким цветочным парфюмом вернувшейся Жанны.

Она смотрит на меня с легким сочувствием, садится на свое рабочее место и начинает стучать по клавиатуре идеальными ногтями.

Я молча беру со своего временного столика тяжелую, набитую распечатками папку. Немцы. Анализ рентабельности. Земные, скучные правила, которых он так жаждет.

Поправляю воротник блузки, делаю глубокий вдох, задерживаю дыхание и толкаю тяжелую матовую дверь его кабинета.

Внутри царит прохлада.

Артур всегда держит температуру на отметке ровно в девятнадцать градусов.

Холодильник для эмоций.

Он сидит за своим монументальным столом. Осеннее солнце бьет сквозь стекло, очерчивая его фигуру четким контуром.

Я замираю у двери, прижимая папку к груди.

Господи, почему он должен быть таким… невозможно красивым? Это даже нечестно.

Это какое-то возмутительное астрологическое читерство, ошибка в натальной карте.

Он склонился над клавиатурой ноутбука, и тонкая белая ткань рубашки натянулась, безошибочно подчеркивая в меру широкие плечи.

Никакой перекачанной грузности, свойственной завсегдатаям спортзалов, — только настоящая атлетика. Линии торса уходят вниз, к узким бедрам, скрытым за столешницей.

Артур резко поднимает голову.

Черные, слегка вьющиеся на концах волосы чуть растрепаны — видимо, он в ярости запускал в них пятерню, пока сидел здесь один.

А глаза…

В этом стерильном, серо-стальном царстве геометрических форм его глаза кажутся неуместно живыми и теплыми. Они у него ореховые, с вкраплениями темной меда и золота. Хотя и потемневшие сейчас от нерастраченного раздражения.

— Ты стоишь там уже сорок секунд, — его баритон режет тишину кабинета. — Ждешь особого письменного приглашения? Или вычисляешь, в какой фазе находится ретроградный Плутон над моим креслом?

— Пытаюсь понять, не заморозили ли вы тут атмосферу окончательно, — ровно отвечаю я.

Шагаю вперед.

Мои каблуки бесшумно тонут в плотном сером ворсе ковра.

Подхожу к его столу, но демонстративно игнорирую стул для посетителей.

Вместо этого я обхожу столешницу сбоку, вторгаясь в его личное пространство, и с негромким хлопком кладу перед ним раскрытую папку.

— Немцы, Артур Викторович. Рентабельность, оценка рисков, прогноз денежных потоков на три года вперед. Никаких транзитов. Никаких натальных карт. Только сухие, бездушные цифры, как вы любите.

Он чуть откатывается на кресле назад.

Я стою слишком близко. И мгновенно чувствую запах его парфюма — холодный кедр, горьковатый бергамот и что-то терпкое, похожее на черный перец.

От него исходит сдержанная, плотная мужская энергия, которая подавляет и одновременно заставляет сердце биться чаще.

Артур опускает взгляд на распечатки. Его длинные пальцы с короткими ухоженными ногтями скользят по столбцам цифр.

— Коэффициент во втором квартале завышен, — произносит он ровным, безразличным тоном, даже не поднимая на меня глаз.

Я наклоняюсь над столом, опираясь рукой о прохладный край столешницы. Мои волосы соскальзывают с плеча, но я не обращаю на это внимания.

— Не завышена. Вы не учли налоговые преференции, которые они получат при локализации части производства в Баварии. Я подняла их внутреннюю отчетность за прошлый год. Вот здесь, в третьей сноске…

Я тянусь свободной рукой, чтобы указать нужную строчку в документе. В этот же самый момент он поднимает руку, чтобы перевернуть страницу. Наши кисти сталкиваются.

Его кожа горячая. Гораздо горячее, чем можно было ожидать от человека с ледяным взглядом.

Я не отдергиваю руку сразу.

Мои мышцы словно парализует на долю секунды.

Он тоже не двигается.

Я смотрю на его длинный указательный палец, замерший в миллиметре от костяшки моего.

Воздух между нами вдруг становится тяжелым, густым и вибрирующим. Слышно лишь, как тихо и монотонно гудит кондиционер где-то под потолком.

Артур медленно переводит взгляд с наших рук на мое лицо.

Я оказываюсь так близко, что вижу крошечную морщинку напряжения между его темных бровей.

Ореховые глаза смотрят тяжело, сканирующе. В них больше нет ни насмешки, ни открытой злости. Там плещется что-то другое. Какое-то мрачное, невысказанное, тяжелое напряжение, от которого у меня перехватывает дыхание.

— Ты использовала ставку дисконтирования в двенадцать процентов, — его голос звучит чуть тише обычного, с едва заметной хрипотцой.

Он убирает руку первым. Плавно, без суеты, словно ничего не произошло.

— Для консервативного европейского рынка это слишком рискованно.

Я сглатываю вязкую слюну. Выпрямляюсь, отступая на полшага назад, восстанавливая безопасную дистанцию. Сразу становится легче дышать.

— Я заложила риск скрытой макроэкономической нестабильности, — мой голос предательски дрожит на длинном слове, выдавая волнение. — И… возросшие логистические издержки из-за перебоев с поставками комплектующих.

Он откидывается на спинку кожаного кресла.

Берет со стола тяжелую металлическую ручку, медленно крутит ее в длинных пальцах.

Его оценивающий темный взгляд скользит по моему лицу, задерживается на губах, затем медленно опускается ниже, на ключицы, выглядывающие из-под расстегнутой верхней пуговицы шелковой блузки.

Я чувствую себя так, словно меня только что просветили рентгеном. От этого взгляда по коже бегут мурашки, а лицо снова начинает гореть.

— Логистические издержки, — задумчиво, почти растягивая слова, повторяет он. — Хорошо. Допустим.

Он резким движением захлопывает папку. Звук удара картона о дерево заставляет меня вздрогнуть.

— Садись, Анастасия.

Он кивает на стул напротив себя.

Я послушно обхожу массивный стол и опускаюсь на жесткую черную кожу, складывая руки на коленях, чтобы скрыть, как мелко дрожат пальцы.

— Ты неглупая, — внезапно произносит Артур. Он бросает ручку на стол. Металл звякает о стекло. — Ты умеешь анализировать. У тебя цепкий ум, если ты смогла самостоятельно откопать эти баварские налоговые льготы в немецкой отчетности. Так зачем весь этот цирк?

Он подается вперед, опираясь локтями о стол. Его лицо оказывается ближе, черты заостряются.

— Зачем ты натягиваешь на себя эту нелепую маску городской сумасшедшей с колодой карт? Что ты пытаешься скрыть за звоном этих своих браслетов и дурацкими камнями?

Мое сердце пропускает удар, а затем пускается в бешеный галоп. Я непроизвольно сжимаю кулаки так сильно, что ногти впиваются в ладони.

Он слишком проницательный. Он слишком умный.

Он видит меня насквозь, даже когда я изо всех сил строю из себя ходячую астрологическую катастрофу.

Моя цель — та самая причина, по которой я готова терпеть его унижения и должна остаться в этой фирме, — сейчас оглушительно пульсирует в висках.

Мне нельзя проколоться.

Я делаю над собой титаническое усилие и натягиваю на лицо самую беспечную, самую блаженную и раздражающую улыбку из своего арсенала.

— Ничего я не скрываю, Артур Викторович, — певуче отзываюсь я, хлопнув ресницами. — Просто цифры — это мертвая форма. А движение планет — это живое содержание. Я объединяю два потока энергии.

Его челюсти сжимаются с такой силой, что я слышу скрип зубов.

Вижу, как перекатываются желваки на его острых скулах.

Ореховые глаза темнеют окончательно, превращаясь в два штормовых омута. Он не верит ни единому моему слову.

— Хорошо, — тихо, почти ласково, отчего становится еще страшнее, говорит он. — Играй в свои игры, Анастасия. Но запомни одну простую вещь. Я не твой брат. Я не буду снисходительным и милым. Я буду требовать от тебя безупречной работы каждый чертов день. И как только ты ошибешься — по-настоящему, в расчетах, а не в своих астральных фантазиях, — я лично вышвырну тебя отсюда. И никакой Олег тебе не поможет.

Он смотрит на меня так, что холодеет между лопаток.

— Мы поняли друг друга?

— Абсолютно, — я упрямо вздергиваю подбородок, глядя прямо в его золотисто-карие глаза. — Я не ошибусь.

Я порывисто встаю, разворачиваюсь на каблуках и иду к двери.

Спиной я физически чувствую его тяжелый немигающий взгляд. Он следит за каждым моим шагом, за каждым покачиванием бедер.

Уже взявшись за холодную металлическую ручку двери, я останавливаюсь. Поворачиваю голову в профиль, бросая на него взгляд через плечо.

— И, Артур Викторович…

— Что еще? — в его голосе слышится усталое, глухое раздражение хищника, которого заперли в клетке с канарейкой.

— Вам очень идет эта рубашка, — говорю я совершенно искренне, позволив голосу упасть на полтона ниже. — Идеально подчеркивает цвет вашей ауры.

Я выхожу в приемную, плотно закрывая за собой дверь, и прислоняюсь к ней спиной, судорожно выдыхая скопившийся в легких воздух.

Пальцы до сих пор горят от того мимолетного, случайного прикосновения над графиками, а внутри, где-то в районе солнечного сплетения, разливается странное, щекочущее тепло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.